

Ю. Юркенас*Литовский эдукологический университет
(Вильнюс, Литва)*

ЯВЛЕНИЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ

«В слове и, в особенности, в имени – все наше культурное богатство, накопленное в течение веков» (Лосев 1993: 628). Когда идет речь о далеком прошлом, все чаще акцентируется мысль о том, что об этом следует судить не только по сохранившимся предметам материального мира (раскопкам). Источником информации о прошлом должны служить также и духовные ценности. Знаками, содержащими закодированные духовные ценности, представляются древние собственные имена, ставшие своеобразными реликтами древней культуры. Ономастика – это своего рода «лингвистическая археология», которая может быть использована при изучении истории, стать источником некоторой информации при решении проблем этногенеза и т.д. (ср. Zinkevičius 2008: 27). Поэтому в ономастическом исследовании постоянно наблюдаются попытки использовать какие-то новые приемы изучения собственных имен, которые могли бы стать средством декодирования заложенной в них информации. Так, например, А. В. Суперанская указывает на возможность глобальных, ареальных и региональных исследований собственных имен.

«Глобальная ономастика занимается типологическим сходством собственных имен разных стран и народов, установлением общих закономерностей, свойственных именам, независимо от их языковой принадлежности, выведением ономастических универсалий...

Ареальная ономастика устанавливает ареалы отдельных ономастических явлений, которые обычно не совпадают с ареалами диалектологическими, отражая языковую картину, предшествующую современной. Выявленные в ономастических исследованиях ареалы помогают решению вопроса о субстрате, а вместе с тем и о расселении народов в предыдущие эпохи...

Региональная ономастика выявляет ономастические системы, в которые объединяются имена тех или иных территорий. Система известным образом влияет как на восприятие имен уже существующих, так и на создание новых» (Суперанская 1973: 11 – 12).

А. А. Белецкий пишет: «При классификации ономастической лексики в отношении времени, места, языка и культуры, мы дополняем созданную Ф. де Соссюром терминологию и наряду с противопоставлением (1) синхронии и диахронии вводим противопоставления: (2) синтопии и диатопии, то есть принадлежность элементов одному и тому же ареалу или разным ареалам, (3) синглотии и диаглотии, то есть принадлежность элементов одному и тому же культурному кругу или разным культурным кругам.

Таким образом, первой задачей исследователя ономастического материала должно быть хронологическое, географическое и циклическое расположение материала» (Белецкий 1972: 32). Сомневаться в рациональности данных соображений не приходится. Но если говорить о последовательности использования и эффективности исследовательских процедур, то на первом месте окажется диатопическое и диаглотическое изучение. Дело в том, что единственным доступным наблюдению признаком древней онимии, единственным надежным каналом получения информации о судьбах древних собственных имен является «география» их компонентов и функциональная их нагрузка в составе разных онимических систем. Иногда даже определение языковой принадлежности обусловлено географическим расположением антропонимов.

Диахроническое и диациклическое изучение древних антропонимов является делом весьма сложным. Определение абсолютных дат оказывается почти невозможным, так как в нашем распоряжении пока нет никаких источников для получения необходимой информации. Некоторые косвенные данные о культурных циклах может дать только диатопическое исследование древних антропонимов. А хотя бы самое общее представление о культурных циклах может быть использовано в целях определения относительной хронологии. Собственные имена, сохранившиеся почти во всех известных группах индоевропейских языков, с определенной степенью вероятности можем считать фактом «праиндоевропейского» культурного цикла, а хронологически – продуктом древнейшего периода. Единицы, характерные для какой-то замкнутой группы и.-е. языков, можно отнести к соответствующему культурному циклу, а хронологически – к эпохе контактов между данными народами.

Известный немецкий языковед Х. Краэ в результате ареального (= диатопического) изучения гидронимии делает вывод,

что на территории, которую занимают или когда-то занимали германские, кельтские, италийские (с венетским), иллирийские и балтийские племена, наблюдается некоторое количество аналогичных, общих по своей форме и, скорее всего, по происхождению так называемых «древнеевропейских» гидронимов; напр. *Ala* (Норвегия), *Allava* (Италия), *Alava* (Испания), *Alovè, Alanta* (Литва), *Ala, Alave* (Латвия), *Ола* (Верхнее Поднепровье) и т.д. (ср. Krahe 1964: 36; Pèteraitis 1992: 61, 334; Топоров, Трубачев 1962: 199). Эти названия, по мнению Х. Краэ, - продукт той эпохи, когда указанные языковые группы были еще сравнительно близки друг к другу. В. П. Шмид, продолживший исследование в том же направлении, также считает наличие так называемых «древнеевропейских» гидронимов бесспорным фактом. Однако суть данного явления у него представлена с привлечением некоторых новых аспектов анализа истории языков, а также с учетом некоторых интереснейших наблюдений. В. П. Шмид предлагает термины «древнеевропейский», «индоевропейский» и «праязыковой» (*voreinzelsprachlich*) использовать как синонимы. Гидронимы данного типа не поддаются истолкованию на материале какого-нибудь одного известного и.-е. языка. Где бы мы ни находили эти древние гидронимы – в Скандинавии, во Франции, на Балканах, – почти всегда обнаруживаем соответствия и в балтийском ареале. Это явление обусловлено сохранностью и непрерывностью передачи (*Kontinuität*) древних собственных имен, и эта непрерывность особенно ярко выражена в балтийских языках (Schmid 1972: 5; 1998, 152).

3. Зинкявичюс на основе своих наблюдений, а также с учетом имеющихся исследований других языковедов делает вывод, что большинство балтийских этнонимов представляет собой единицы гидронимического происхождения [Zinkevičius 2005: 72 – 77]. Можно, конечно, разделять или не разделять эту точку зрения, т.е. можно иметь в виду то обстоятельство, что рассуждения этимологического характера в большинстве случаев воспринимаются как положения, характеризующиеся большей или меньшей степенью вероятности. Однако бесспорным и заслуживающим внимания исследователей здесь является тот факт, что **почти все названия балтийских этносов отражены в другом разряде собственных имен – в гидронимии.**

В последней капитальной работе 3. Зинкявичюса по литовской антропонимии наблюдается своего рода расширение диапазона онимических исследований. Имеем в виду следующую

примечательную мысль автора. Довольно часто сам антропоним превращается в гидроним, который как бы персонифицирует объект. Такой перенос собственного имени из одного разряда в другой могли совершать только люди, которые поклонялись явлениям природы, т.е. люди, сознание которых еще было под влиянием дохристианского мировоззрения (Zinkevičius 2008: 350). Суть указанных соображений практически можно свести к тому, что в сфере собственных имен, как и вообще в языке, дает о себе знать явление антропоморфизма, т.е. и в онимической лексике не исключено уподобление человеку, наделение человеческими свойствами предметов и явлений неживой природы.

Немецкие языковеды, работающие под влиянием известных идей Х. Краэ и В. П. Шмида, обратили внимание на следующее обстоятельство: использование приемов сравнительного анализа в топонимическом исследовании ведет к выводу о том, что общие единицы наблюдаются не только в гидронимии, но и в топонимии (Casemir, Udolf 2006: 115).

В «Словаре русской ономастической терминологии» представлен термин *трансонимизация* – переход онима одного разряда в другой, а также некоторые названия, обусловленные указанным понятием: *антропотопоним, топоантропоним, этнотопоним, этногидроним, антропоэтноним* (Подольская 1988: 32, 118, 132, 138, 154).

Вышеприведенные мысли разных языковедов, а также наши наблюдения дают основание думать о том, что явление пересечения разных онимических рядов (=трансонимизация) в ономастическом исследовании заслуживает особого внимания. Имеем в виду целесообразность сравнения и соответствующей оценки случаев, когда то же собственное имя или его компонент выступает как этноним или его основа, как гидроним, как топоним, как антропоним или его часть и т.д. Явление пересечения нескольких онимических рядов приобретает особый смысл тогда, когда соответствующие собственные имена отражены в онимии нескольких родственных языков. В таком случае целесообразна постановка вопроса об определении ареала распространения пересекающихся единиц. Сам факт такого пересечения нескольких онимических рядов следует воспринимать как показатель архаичности соответствующего собственного имени или его основы.

В качестве иллюстрации, которая может восприниматься и как своего рода аргументация изложенных соображений, предлагаем анализ конкретных единиц.

GAL-. Этнонимы: *Galindo* 1231г., Γαλίνδαи (в «Географии» древнегреческого ученого Птоломея во II в. н.э.) – одно из древнепрусских племен; *Голядь* – племя восточных балтов, обитавшее на территории современной Московской области, упоминаемое в русских летописях XI–XII веков (Mažiulis 1988 I: 318); *Galli*, Γαλάται (Pokorný 1959: 351); фракийское племя Γαλαίοι (Detschew 1957: 98); кельт. *Gall-ityae*, *Gallo-vari* (Holder 1896 I: 1973, 1980).

Гидронимы: лит. *Gal-monas* (река), *Gálnis*, *Galōnas*, *Gálvis* (озера) (Vanagas 1981: 105), *Galiukas* (река), в древнепрусских источниках *Galanten*, *Galent* (нем. *Gehland – See*) (Péteraits 1992: 89).

Антропонимы: лит. *Gal-butās*, *Gal-ginas*, *Gal-kontās*, *Gal-manās*, *Gal-mantās*, *Gal-minās*, *Gal-vydis*, *Gala-vainis*, *Galeivis*, *Galenys*, *Galentas*, *Galys*, *Galius*, *Galkys*, *Galnius* (LPŽ 1985: 612–618); др.-прусск. *Clawsgal*, *Ey-gals*, *Mini-gal*, *Ny-gal*, *Tawte-gal*, *Way-gal* (Trautmann 1925: 136), герм. *Gala-man*, *Gali-man*, *Cale-man*, *Galindus* (!) (Förstemann 1856: 462); кельт. *Gall-anus*, *Galli-ānus*, *Gallicus*, *Galli-o(n)*, *Gallionius*, *Gall-o(n)*, *Gallon-ius*, *Galo-minus* (Holder 1896 I: 1920, 1950–1980); фрак. Γάλυκος (Detschew 1957: 98) иллир. *Galaestes* (Krahe 1929: 142); польск. *Gal*, *Gallus*, *Gallo*, *Galic*, *Galik*, *Galon*, *Gala*, *Gatek*, *Gola*, *Golan*, *Golius*, *Gol-min*, *Golut*, *Goł*, *Gołas(z)*, *Golo-buta* (Słownik 1970: 75–78; 149–159), *Gol-ęda* 1458 (= др.-прусск. *Galindo* ?), *Gol-nia* (Rymut 1991: 124); др.-русск. *Голиков* 1540 г., *Голь* 1498 г., *Голядов* 1570 (Веселовский 1974: 81, 84); белор. *Голик*, *Голь-мант* (Гурская 2008: 358).

Топонимы: лит. *Gal-ginaĩ*, *Gal-kantaĩ*, *Gal-mančiai*, *Gal-miniai*, *Gal-vydiškė*, *Gal-vydziai*, *Galkaĩ*, *Galnė* (Žinynas 1976: 76–77); *Golynde* 133 (Восточная Пруссия), *Galinden* (Восточная Пруссия) (Būga 1961: 117); *Galēni* (Латвия), *Гальманцішкі* (Белоруссия), *Galiny* (Польша), *Galanta* (Словакия), *Галата* (Болгария), *Gallo* (Испания) (PV 2006: 136–137).

Можно обратить внимание на некоторые параллельные образования (сложные СИ или единицы с определителями корня).

1. Антропонимы: лит. *Gal-minas*, др.-прусск. *Mini-gal*, кельт. *Galo-minus*, польск. *Gol-min*.

2. Антропонимы: лит. *Gal-manas*, *Gal-mantas*, герм. *Gali-man*, *Cale-man*, белор. *Голь-мант*; гидроним: лит. *Gal-monas*; топонимы: лит. *Gal-mančiai*, белор. *Галь-манцішкі*.

3. Антропонимы лит. *Galnius*, польск. *Golnia*; гидроним: лит. *Galnis*; топоним; лит. *Galnė*.

4. Этнонимы: др.-прусск. *Galindo*; одно из племен, упоминаемое в русских летописях, обитавшее на территории современной

Московской области *Голядь*; антропонимы: др.-русск. *Голядов*, польск. *Gołęda*, герм. *Galindus*; топоним *Galinde* (Восточная Пруссия).

Если говорить об имеющихся попытках определить связи данного компонента СИ с апеллятивной лексикой, то целесообразно будет обратить внимание хотя бы на следующие толкования.

1. Этимонам соответствующих антропонимов и этнонимов следует считать единицы, возникшие на базе и.-е. корня **Gal-* или **Ghal-*: лит. *galėti* «мочь», *galiá* «сила, мощь», русск. диал. *голямо* «много, очень», болг. *голям* «большой», др.-ирл. *gal* «храбрый», кимр. *gallu* «мочь», брит. *gallout* «мочь» и т.д. (ср. Holder 1896 I: 1521 – 1522, 1971 – 1980; Schmidt 1957: 215; Detschew 1957: 98; Pokorny 1959: 351; Zinkevičius 2008: 88).

2. *Galindai* – это этноним, возникший на базе лит. слова *galas* «конец, край». Иначе говоря, это название племени, обитавшего на окраине балтийского ареала (Būga 1961 III: 117; Zinkevičius 2005: 75).

3. Этноним *Galindo* образован на базе исчезнувшего гидронима *Galindā (Mažiulis 1988 I: 318 – 319).

4. Компонент *Gal-*, выделяемый в составе германских антропонимов, возник на базе д.-в.-н. *galan* «петь» (Förstemann 1856: 462). Следует обратить внимание на то, что лексема *galan* «петь» используется прежде всего для обозначения исполнения песен колдовства; ср. еще *bi-galan* «петь колдовскую песню, заговаривать», *gellen*, *galstern* «колдовать». А семантема *колдовать* может быть представлена как «стремление к использованию сверхъестественной силы» (ср. единицы вышеуказанного ряда: лит. *galia* «сила, мощь», брит. *gallout* «мочь» и т.п.).

Наш комментарий: **собственные имена с основой *Gal-* в своем составе – это единицы древней онимии европейского региона.** Не исключено, что существовал не один источник их возникновения, однако разграничение собственных имен, возникших в древности в результате онимизации омонимичных основ, в настоящее время вряд ли возможно. Кроме того, следует иметь в виду и то, что «корни, считавшиеся омонимичными, на самом деле таковыми не являются и исторически могут интерпретироваться как единый корень... Язык иногда уподобляют собранию давно забытых, мертвых метафор. И это не случайно: огромное количество слов, трудно поддающихся этимологическому анализу, в действительности оказываются старыми метафорами, давно

утратившими какие-либо семасиологические связи в языке» (Маковский 1989: 21, 32).

ТАУТ- (< и.-е. *teutā / *toutā). **Этнонимы:** *Teutoni*, *Teutones* (неясно, является ли собственное имя *teutoni* кельтским или только кельтизированным), *Teutonoari*, *Teutonovarii* (Schönfeld 1965: 224), *Tautī* (Holder 1896 II: 1773); ср. д.-в.-н. *diota* «народ» - *diutisk* «народный» - совр. *deutsch* / *Deutschland*.

Гидронимы: лит. *Tautinys*, *Tautinėlis* (реки), *Taūt-upis*, *Taūtesnis* (озеро) (Vanagas 1981:342).

Антропонимы: лит. *Taut-rimas*, *Taūt-vaišas*, *Taūt-vidas*, *Tautvydas*, *Bi-tautas*, *By-tautas*, *Bū-tautas*, *Bù-tautas*, *Dár-tautas*, *Gan-taūtis*, *Ga-taūtis*, *Geiš-tautas*, *Gēs-tautas*, *Gėš-tautas*, *Gē-tautas*, *Gìn-tautas*, *Girš-tautas*, *Góš-tautas*, *Gó-tautas*, *Jā-tautas*, *Jó-tautas*, *Kan-tautas*, *Kón-tautas*, *Kun-tautas*, *Man-tautas*, *Mās-tautas*, *Mìn-tautas*, *Miš-tautas*, *Mon-tautas*, *Nār-tautas*, *Nir-tautas*, *No-tautas*, *Nū-tautas*, *Rā-tautas*, *Ró-tautas*, *San-tautas*, *Sin-tauta*, *Sìr-tautas*, *Viėš-tautas*, *Vin-tautas*, *Vy-tautas*, *Zas-tautas*, *Zoš-tautas*, *Žù-tautas*, *Žū-tautas*, *Tautavičius*, *Tautelis*, *Tauterys*, *Tautkus* (LPŽ 1989: 1028–1031; Zinkevičius 2008: 148–149, 299); др.-прусск. *Tawte-gal*, *Taute-mille*, *Taute-narwe*, *Thawte-wille*, *By-taute*, *Gyn-thawte*, *Girs-tawte*, *Je-ttowte*, *Jos-taute*, *Kers-taut*, *Man-tawte*, *Nar-tawte*, *Santowte*, *Ways-taughte*, *Wil-taute*, *Thawte*, *Tautenne*, *Tawtike* (Trautmann 1925: 152); др.-герм. *Teut-bald*, *Teut-bard*, *Teuto-bod*, *Teut-frid*, *Theutegar*, *Teut-gaud*, *Teut-hard*, *Teut-har*, *Teut-man*, *Teut-mar*, *Teut-munt*, *Teude-rat*, *Theude-ricus*, *Teut-sind*, *Teudo-ald*, *Teud-wit*, *Teud-uin*, *Theudo*, *Theuto*, *Teut*, *Theudilo*, *Theutila*, *Theuter* (Förstemann 1856: 1158–1194), *Teuta-gonus*, *Teuto-bodus*, *Teuto-merus* (Schönfeld 1965: 123); кельт. *Teuta-matos*, *Teuto-bodius*, *Teuto-malius*, *Teuto-melius*, *Toutio-rīx*, *Toutio-dīvix*, *Con-touto-*, *Daco-toutus*, *Tri-touti*, *Viro-touta*, *Tautius*, *Tautonius*, *Tautātis*, *Toutennus*, *Toutillus*, *Toutius*, *Toutus* (Holder 1896: 1773 – 1900; Schmidt 1957: 277–280); фрак. *Tauto-medes*, *Тouta* (Detschew 1957: 495–507); иллир. *Tri-teuta*, *Teuda*, *Teuta*, *Teuticus*, *Teutomus* (Krahe 1929: 169); и.-е. языки Малой Азии *Тoutaс*, *Тoutиc*, *Тouto* (Zgusta 1964: 523).

Топонимы: лит. *Tautėnai*, *Tautgaīliai*, *Taūtginiai*, *Tautiniaĩ*, *Tautiškiai*, *Tautkūnai*, *Tautrimai*, *Tautūšiai*, *Tautvilai*, *Jotautaĩ*, *Kantautai*, *Rataūtiškis*, *Sintautaĩ*; *Teutburger Wald* (Германия), *Taučii* (Румыния), *Тутин* (Сербия) (PV 2006:434–435, 447).

Еще в XIX в. в рамках праиндоевропейской антропонимии (Namensystem der proethnischen Spracheinheiten) А. Фик выделяет группу единиц, характерных для европейского ареала (Europäische Namengruppen) под рубрикой *Tauta* «народ». Сюда

относит СИ типа галльск. *Touto-bocio*, *Toutio-rîx...*, *Toutus*, *Con-toutus*, древние немецкие антропони́мы *Diet-bert*, *Diet-rich...*, *Theudo*, *Teudila* и т.п. (Fick 1874: ССХV). Данных балтийской, фракийской и иллирийской онимии в то время, разумеется, у А. Фика не было.

В исследованиях онимии разных языков этимология соответствующей основы, как правило, сводится к единицам гнезда генетически родственных слов типа лит. *tautà* «народ», др.-прусск. *tauto* «страна», гот. *þiuda* «народ», д.-в.-н. *diot(a)* то же, др.-ирл. *tuath* «народ», хеттск. *tuzzi* «войско» и т.п. (из и.-е. **teutā* < **téu-teh²*; этимологическое значение – «прирост, множество людей»; и.-е. **teu-/tū-* «увеличиваться, раздвигаться»).

Не всегда возможно определить, где использование соответствующего компонента СИ обусловлено лишь причинами типологического характера, и где в онимии разных языков сохранились реликты целых сочетаний общего происхождения; ср. лит. *Taut-vydas* || герм. *Teud-wit*; лит. *Tauterys* || герм. *Theuter*; лит. *Kan-tautas*, *Kón-tautas* || кельт. *Con-toutus*; иллир. *Tri-teuta* || кельт. *Tri-touti*; ср. также сочетания основ, напоминающие аналогичные структуры с перестановкой компонентов: лит. *Gan-taūtis* || герм. *Teuta-gonus*; лит. *Man-tautas*, др.-прусск. *Man-tawte* || герм. *Teut-man*; лит. *Vin-tautas* || герм. *Teud-vin*; лит. *Rā-tautas* || герм. *Teude-rat*; лит. *Sin-tauta* || герм. *Teut-sind*.

Думается, что можно говорить, по крайней мере, о том, что использование того же компонента СИ (= той же основы) в ряде языков определенного ареала следует воспринимать как показатель архаичности этого элемента СИ. Онимизацию данной единицы можно отнести к периоду соприкосновения носителей соответствующих языков (относительная хронология). Наличие множества СИ, содержащих в своем составе основу **teut-*, следует воспринимать как факт, обусловленный продолжением древней индоевропейской традиции образовывать СИ на базе лексем с семантическим содержанием «племя, народ, люди; рождение, рост, увеличение» (ср. Юркенас 2003: 24–25).

Выводы

- 1) Онимия – это совокупность знаков особого типа. В этой совокупности немало единиц, возникших в глубокой древности.
- 2) Рамки выделяемого Х. Краэ и В. П. Шмидом слоя так называемой «древнеевропейской» гидронимии могут быть расширены. Наши материалы свидетельствуют о том, что целесообразно

говорить не только о древней гидронимии, представленной в разных частях европейского континента. Это явление (= общность некоторого количества идентичных СИ) отражено в онимии вообще – в антропонимии, топонимии, этнонимии и т.д. Наличие достаточно большого количества идентичных единиц в онимии определенного региона невозможно объяснить простой случайностью. Если в двух языках с целью обозначения какого-то явления или какой-то функции используются соотносительные выражения, то это или заимствование, или общее достояние данных языков. Только очень редко в такой ситуации можно говорить о случайности (Schmid 1978: 7). Древние СИ такого типа могут восприниматься как продукт явления, обозначаемого термином *языковой союз* (нем. Sprachbund). Имеем в виду наличие языков, обладающих общими признаками и расположенных в определенном пространстве. В настоящее время существует мнение, что выделение языкового союза возможно даже на основе одного признака (Sawicka 2007: 24–25). Таким признаком может быть и наличие некоторого количества общих единиц древней онимии. Иначе говоря, представляется возможным выделение **древнеевропейского онимического союза** как особой ареальной общности. Но онимия – это не просто особая группа лексики. Особенности и состав СИ обусловлены не только системой языка, но и культурно-историческими факторами. Поэтому явление, которое обозначается термином *древнеевропейский онимический союз*, следует понимать не просто как языковой союз, а в какой-то мере как феномен культурно-исторического и мировоззренческого характера.

ЛИТЕРАТУРА

- Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика) / А. А. Белецкий. – Киев: Издательство Киевского университета, 1972. – 210 с.
- Веселовский С. Б. Ономастикон / С. Б. Веселовский. – Москва: Наука, 1974. – 382 с.
- Гурская Ю. А. Имя собственное: Этимология, национально-культурный потенциал, концептуализация / Ю. А. Гурская. – Минск: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук; на правах рукописи, 2008. – 545 с.
- Лосев А. Ф. *Бытие – имя – космос* / А. Ф. Лосев. – Москва: Мысль, 1993. – 958 с.

- Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений / М. М. Маковский. – Москва: Высшая школа, 1989. – 200 с.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2 изд. – Москва: Наука, 1988. – 187 с.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва: Наука, 1973. – 366 с.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / – Москва: Наука, 1962. – 270 с.
- Юркенас Ю. Основы балтийской и славянской антропониими. Ю. Юркенас. – Вильнюс: Ciklonas, 2003. – 194 с.
- Būga K. Rinkiniai raštai: 3 t. / K. Būga. – T. 3. - Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1961. – 1008 p.
- Casemir K., Udolph J. Die Bedeutung des Baltischen für die niedersächsische Ortsnamenforschung / K. Casemir, J. Udolph // Baltų onomastikos tyrimai. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Detschew D. Die thrakischen Sprachreste (Schriften der Balkankommission, linguistische Abteilung, XIV) / D. Detschew. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1957.
- Fick A. Die griechischen Personennamen / A. Fick. – Göttingen: Vandenhoeck, 1874. – CCXIX, 236 S.
- Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch: in 2 Bd. / E. Förstemann. – Bd. 1. – Nordhausen, 1856.
- Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz: in 3 Bd. / A. Holder. – Leipzig: Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1896–1907.
- Krahe H Lexikon altillyrischer Personennamen / H. Krahe. – Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1929.
- Krahe H. Unsere ältesten Flussnamen / H. Krahe. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964.
- LPŽ Lietuvių pavardžių žodynas: 2 t. / A. Vanagas, V. Maciejauskienė, M. Razmukaitė. – Vilnius: Mokslo, 1985–1989.
- Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas: 4 t. / V. Mažiulis. – T. 1. – Vilnius, Mokslo, 1988. – 428 p.
- Pėteraitis V. Mažoji Lietuva ir Tvanksta / V. Pėteraitis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1992. – 456 p.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: in 2 Bd. / J. Pokorny. – Bern: Francke, 1959–1969.
- PV Pasaulio vietovardžiai. Europa. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2006.
- Rymut K. Nazwiska polaków / K. Rymut. – Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1991. – 315 p.
- Schmid W. P. Indogermanistische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte / W. P. Schmid. – Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1978.
- Schmid W. P. Das baltische Zentrum in der alteuropäischen Hydronymie / W. P. Schmid // Baltistica XXXIII(2). – 1998. – P. 145–153.

- Schmidt K. H. Die Komposition in Galischen Personennamen / K. H. Schmidt. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1957. – 301 S.
- Schönfeld M. Wörterbuch dar altgermanischen Personen- und Völkernamen / M. Schönfeld. – Heidelberg: Carl Winter, 1965. – 309 S.
- Słownik staropolskich nazw osobowych: w 7 t. / red. W. Taszycki. – Wrocław – Warszawa – Kraków: Wydawnictwo polskiej Akademii nauk, 1965 – 1987. – 7 T.
- Trautmann R. Die altpreussischen Personennamen / R. Trautmann. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1925. – 204 S.
- Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas / A. Vanagas. – Vilnius: Mokslas, 1981. – 408 p.
- Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen / L. Zgusta. – Praha: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1964.
- Zinkevičius Z. Lietuvių tautos kilmė / Z. Zinkevičius. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. – 327.
- Zinkevičius Z. Lietuvių asmenvardžiai / Z. Zinkevičius. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2008. – 839 p.
- Žinynas... Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas, II dalis / Parengė Z. Noreika ir V. Stravinskas. – Vilnius: Mintis, 1976. – 398 p.

The Phenomenon of Intersection of Onomastics Series

Summary

Proper names are a group of language signs with specific features of semantics and pragmatics which define their way of development and structure. The totality of proper names is a set of formations of different epochs. Different onomastics series are crossing quite often. It becomes the reason why identical stems are used as basic words in anthroponymy, toponymy, hydronymy and ethnonymy in different languages of a certain region. The article presents analysis of two onomastics series: a) units with the component *Gal-*, b) proper names with the base *Taut-* (< *teutā / *toutā). The existence of identical proper names in different languages is an indicator of archaism of language signs in these series. The corresponding facts should be perceived as a product of the phenomenon designated by the term of the language-union. This refers to the possibility of the existence of an old European onomastics union as a special community.

Keywords: *language union, old European onomastics union, onomastics series, proper name.*